

ПАМЯТИ

профессора

ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА

МИКЛАШЕВСКАГО.

Сборникъ рѣчей, некрологовъ, воспоминаній, изданный Историко-Филологическимъ Обществомъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., д. № 5-й.

1905.

2484 (2) x 11 y
2448.4 (4 y 2 p) 208 g

92

ПАМЯТИ

профессора

ИВАНА НИКОЛАЕВИЧА

МИКЛАШЕВСКАГО.

Сборникъ рѣчей, некрологовъ, воспоминаній, изданный Историко-Филологическимъ Обществомъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ.

ПРОВЕРЕНО
ДЛЯ 1943

Проверено
ЦНБ 1939

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Ключковская ул., № 5-й
1905.

бная научн.

в библотека

Отдѣльные оттиски изъ Сбо рника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества т. XIV
Печатать разрѣшается на основаніи § 37 Устава Историко-Филологическаго Общества
Предсѣдатель Проф. *Н. Сумцовъ*.

Е Профессоръ Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

ПАМЯТИ

Профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго

3-го декабря 1901 г. Историко-Филологическое Общество и Харьковский Университетъ понесли тяжелую потерю: скончался членъ Общества, профессоръ Университета *Иванъ Николаевичъ Миклашевскій*. Высоко цѣня покойнаго ученаго, такъ много сдѣлавшаго для науки, для Общества и Университета—Историко-Филологическое Общество 13-го декабря устроило специальное засѣданіе, посвященное чествованію памяти покойнаго,—и постановило напечатать всѣ рѣчи, сказанныя въ засѣданіи, у его гроба, и нѣкоторые изъ появившихся о немъ статей и некрологовъ.

I.

† Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

3-го декабря отъ воспаленія легкихъ скончался профессоръ Харьковскаго университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики *Иванъ Николаевичъ Миклашевскій*. Покойный умеръ еще сравнительно молодымъ человѣкомъ на 43 году своей жизни, въ полномъ расцвѣтѣ энергіи и умственныхъ дарованій, среди ряда задуманныхъ работъ, изъ которыхъ большое изслѣдованіе, потребовавшее много труда, и энергіи (Очеркъ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства XVII вѣка) было уже близко къ окончанію, и эскизами этой интересной работы онъ еще недавно дѣлился со своими товарищами по наукѣ въ одномъ изъ засѣданій Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Покойный Иванъ Николаевичъ обладалъ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ, какъ это показываетъ пройденный имъ путь ученой и преподавательской дѣятельности. Окончивъ въ 1882 г. курсъ физико-математическихъ наукъ по естественному отдѣленію въ Новороссійскомъ университетѣ, онъ затѣмъ, въ качествѣ стипендіата Петровской земледѣльческой академіи, послѣдовательно держитъ экзаменъ на степень кандидата сельскаго хозяйства и магистра сельско-хозяйственныхъ наукъ. Съ 1887 до 1891 года онъ, какъ доцентъ, преподаетъ въ той же академіи сельско-

хозяйственное законодательство (полицію сельскаго хозяйства). Оставивъ въ 1891 года академію, Иванъ Николаевичъ въ 1893 году выдерживаетъ въ Демидовскомъ юридическомъ лицѣ экзаменъ на степень кандидата правъ и вслѣдъ затѣмъ съ 1894 по 1896 г. онъ, въ качествѣ прив.-доп., читаетъ при Московскомъ университетѣ лекціи по прикладной экономіи. Въ періодъ пребыванія своего въ Московскомъ университетѣ, онъ также читалъ лекціи политической экономіи и статистики въ Московскомъ техническомъ училищѣ. Затѣмъ, послѣ кратковременнаго профессорства Демидовскаго юридическаго лица, онъ въ 1896 году переходитъ въ Харьковскій университетъ въ качествѣ профессора статистики, а послѣ смерти профессора Цѣхановецкаго занимаетъ кафедру соединеннаго преподаванія политической экономіи и статистики. О разнообразіи отраслей знанія, къ которымъ покойный Иванъ Николаевичъ прилагалъ свой трудъ, наглядное представленіе можетъ дать слѣдующій перечень его работъ. Имъ было написано изслѣдованіе «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи», сочиненіе «Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта Московскаго государства», «Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины Россіи XVII (17) вѣка» (Москва 1894 годъ), представляющее одну изъ первыхъ попытокъ изученія сельско-хозяйственной исторіи Россіи по архивнымъ документамъ, доставившее ему ученую степень магистра сельскаго хозяйства и удостоенное Уваровской преміи отъ академіи наукъ. Въ трудахъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства (1893 г.), въ «Рус. Мысли» (1895 г.) и въ «Журн. Мин. Юст.» (1896 г.) имъ былъ напечатанъ рядъ статей по водному праву. Въ періодъ 90 годовъ имъ были напечатаны статьи: «Законъ сбереженія лѣсовъ въ Россіи» (Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства), «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи» (Изв. Петр. Акад.), «Du prix de revient des principaux céréales en Russie et en Allemagne» («Journ. des Econom.») «Die Entwicklung des landwirtschaftlichen Bildungswesens in Russland» (Wien., 1892), и много статей по самымъ разнообразнымъ отраслямъ общественнаго бытія было помѣщено имъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Въ краткой и сжато замѣткѣ невозможно охарактеризовать разнообразную научную дѣятельность покойнаго.

Не смотря на давно уже надорванное здоровье, онъ отличался высокою трудоспособностью и необычайною страстью къ работѣ. Смерть отняла у университетской коллегіи работника, который по своимъ дарованіямъ и ученой подготовкѣ многое могъ сдѣлать для науки. Вѣчная ему память! («Х. В.»).

Профессоръ В. Левитскій.

II.

Речь проф. Д. И. Багалъя, произнесенная надъ гробомъ, при вынось тѣла покойнаго въ университетскую церковь, 4-го декабря, Вторникъ.

Не стало Ивана Николаевича Миклашевскаго... Горькая, тяжкая и обидная по своей неожиданности утрата! Какою глубокою скорбью прозвучать эти слова въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его такъ хорошо, какъ знали мы—его товарищи и друзья! Не можетъ человѣческое чувство примириться и со смертью старца, жизнь котораго дѣлается въ тягость ему самому. Какъ же примириться со смертью того, кто былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ богатыхъ духовныхъ силъ и чья жизнь, казалось, еще многіе, многіе годы будетъ посвящена общественному благу? Говорять, хороша смерть при исполненіи своего долга. Иванъ Николаевичъ умеръ, какъ воинъ, на своемъ ученомъ и преподавательскомъ посту, жертвою своей ревности къ наукѣ и образованію юношества. Въ своемъ увлеченіи учеными трудами и преподаваніемъ, онъ не щадилъ своихъ силъ, работалъ безъ усталы, безъ передышки, безъ необходимаго каникулярнаго отдыха—надъ своею докторскою диссертацией и одновременно надъ отдѣльными статьями, приготовлялъ къ печати сборники разнообразныхъ имъ самимъ открытыхъ матеріаловъ. Это былъ очень умный, способный, талантливый и трудолюбивый ученый. Въ силу неблагоприятныхъ обстоятельствъ, ему на первыхъ порахъ, до перехода въ Харьковскій университетъ, трудно было сосредоточиться на спокойной ученой работѣ; но тѣмъ не менѣе онъ написалъ не обычную, шаблонную диссертацию, а ученое изслѣдованіе, которое восполнило серьезный пробѣлъ въ наукѣ и которое надолго сохранить свою цѣну для историка, юриста и экономиста, благодаря богатству данныхъ и добросовѣстной ихъ обработкѣ.

Широкое энциклопедическое образованіе, смѣлость мысли, энергическое горячее слово, внутренній живой интересъ къ университету, отзывчивость на его радости и печали, чаянія и надежды—все это создало ему сравнительно молодому и новому члену коллегіи особое, видное и вліятельное положеніе въ этой послѣдней. Увлекаясь общеуниверситетскими дѣлами, онъ былъ активнымъ, энергичнымъ членомъ совѣта, который не разъ выбиралъ его въ наиболѣе отвѣтственные коммисіи: онъ былъ редакторомъ доклада объ уничтоженіи гонорара, онъ былъ вице-предсѣтелемъ комитета по сооруженію памятника В. Н. Каразину, онъ былъ, наконецъ, душою коммисіи, избранной совѣтомъ для пересмотра университетскаго устава. И всѣ мы знаемъ, какъ горячо, до самозабвенія отдался онъ этому послѣднему дѣлу, составлявшему и продолжающему составлять

предметъ надеждъ и упованій всѣхъ тѣхъ, кто не безучастно относится къ университету и кто желаетъ обѣщанной уже реформы для дальнѣйшаго мирнаго, спокойнаго поступательнаго развитія ихъ на благо общества и государства, науки и просвѣщенія.

И вся эта малозамѣтная для постороннихъ и, однако, кипучая по своей напряженности дѣятельность сразу теперь замерла. Сердце, бившееся любовью къ обществу, къ учащейся молодежи, теперь остановилось.

А многіе изъ тѣхъ, о коихъ онъ скорбѣлъ и заботился, быть можетъ, и не знали, и не догадывались, сколько подъ его суровою внѣшностью скрыто было любви и участія къ нимъ, ибо рѣдко устанавливается правильная оцѣнка общественной дѣятельности лица при его жизни.

Позаботимся же по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы такая оцѣнка была сдѣлана въ ближайшемъ будущемъ. На нашей нравственной обязанности будетъ прежде всего разобрать, сохранить и издать его ученое посмертное наслѣдіе и затѣмъ дать всестороннюю оцѣнку его заслугъ передъ Харьковскимъ университетомъ, ибо онъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ его дѣятелемъ, подвизавшимся подвигомъ добрымъ и честнымъ на благое просвѣщеніе. Прощай, дорогой другъ! *Sit tibi terra levis!* («Х. В.»).

Въ среду 5-го декабря состоялось погребеніе проф. Н. И. Миклашевскаго. Предъ выносомъ гроба изъ церкви и у могилы усопшаго были сказаны рѣчи: первая Н. А. Гредескуломъ, а вторая Н. А. Максимейко.

III.

Речь, произнесенная у гроба покойнаго И. Н. Миклашевскаго Н. А. Гредескуломъ.

Не долго пришлось Харьковскому юридическому факультету имѣть въ своей средѣ профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго. Немногомъ больше 5 лѣтъ тому назадъ онъ прибылъ къ намъ изъ Москвы, вступилъ въ нашъ товарищескій кругъ,—и, вотъ, его уже нѣтъ съ нами, и мы стоимъ передъ его холоднымъ прахомъ..... Эта новая потеря нашего факультета для насъ тѣмъ тяжелѣе, что, на этотъ разъ, смерть выхватила свою жертву, какъ-бы открытою силою, какъ-бы нападеніемъ среди бѣлаго дня... Еще нѣсколько дней тому назадъ мы сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ, мы дѣлили съ нимъ товарищескую бесѣду, мы слышали его живую, всегда интересную рѣчь,—а теперь мы уже должны закрѣплять его образъ въ своемъ воспоминаніи....

Покойный Иванъ Николаевичъ былъ весьма значительной научной и преподавательской силой нашего факультета. Я не буду вдаваться въ оцѣнку его ученыхъ трудовъ—это сдѣлали, да еще и сдѣлаютъ специалисты его предмета. Но я считаю умѣстнымъ указать здѣсь одну замѣчательную черту его, какъ ученаго и преподавателя. Это былъ образцовый, европейски образцовый работникъ. Онъ работалъ не урывками, и не порывами, а постоянно и непрерывно, изо дня въ день, почти не отходя отъ своего письменнаго стола съ пишущей американской машиной и ни на минуту не прекращая своего научнаго мышленія. Его рабочий день начинался утромъ рано, а оканчивался поздно ночью. Онъ работалъ такъ, какъ у насъ въ Россіи работаютъ не часто, а только при такой работѣ и возможна крупная научная продуктивность.—Какъ преподаватель, онъ отличался не меньшимъ рвеніемъ къ дѣлу. Въ свое преподаваніе онъ вкладывалъ всю свою душу и всѣ свои силы. Къ сожалѣнію, университетское преподаваніе, которое при добросовѣстномъ къ нему отношеніи, требуетъ большого нервнаго напряженія, не всегда благопріятно отзывалось на его не крѣпкихъ силахъ. Мы всѣ помнимъ, какъ часто мы видѣли его въ нашей лекторіи до крайности усталымъ послѣ двухъ подрядъ прочтенныхъ лекцій или послѣ еще болѣе продолжительной бесѣды со студентами при зачетахъ полугодій. Можно сказать, что при исполненіи своего служебнаго долга онъ совсѣмъ не щадилъ своихъ личныхъ силъ и своего здоровья.

Кругъ научныхъ и преподавательскихъ интересовъ былъ, конечно, главнымъ и основнымъ въ жизни покойнаго Ивана Николаевича. Но къ нему тѣсно примыкалъ и кругъ его живыхъ общественныхъ интересовъ. Онъ постоянно интересовался и всѣми фибрами своей души отзывался на всѣ текущіе вопросы нашей русской и общей европейской жизни. Но особенно близкимъ были ему всегда вопросы университетской жизни. Здѣсь нельзя не вспомнить съ особенной благодарностью его непосредственнаго участія въ разработкѣ основаній столь всѣми нами желанной и съ такимъ нетерпѣніемъ нами ожидаемой учебной реформы, которая должна для нашихъ русскихъ университетовъ замѣнить ихъ нынѣшнюю печальную дѣйствительность болѣе свѣтлымъ будущимъ... Какъ извѣстно, въ комиссіи, избранной совѣтомъ нашего университета для формулированія отвѣтовъ на извѣстные вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія, Иванъ Николаевичъ былъ однимъ изъ секретарей, т. е. опять активной рабочей силой, выносящей на своихъ плечахъ общую тяготу.

Но—увы! безвременно усопшій товарищъ! тебѣ уже не придется увидѣть обѣщаннаго намъ обновленнаго университета, о которомъ ты

мечталъ и для котораго работалъ. Твоя жизнь и дѣятельность прерваны чуть не наполовинѣ.... Позволь-же принести тебѣ отъ имени твоихъ товарищей по факультету наше послѣднее земное грустное *прости*.

IV.

Речь, произнесенная Н. А. Максимейко.

Мы хоронимъ человѣка, который нѣсколько дней тому назадъ работалъ, смѣялся, былъ полонъ надеждъ и плановъ. Кто могъ тогда подумать, что немного дней спустя мы будемъ стоять у бездыханнаго трупа. Эта быстрота развязки подавляетъ всѣхъ, ставитъ въ тупикъ, парализуетъ сознание. Смерть Ивана Николаевича не только является неожиданностью для всѣхъ. Она несправедлива. Покойному было всего 43 года. Это возрастъ высшаго расцвѣта духовныхъ силъ человѣка, тотъ возрастъ, когда человѣкъ обыкновенно даетъ лучшее, на что онъ способенъ. Значить, жизнь Ивана Николаевича оборвалась на самомъ интересномъ и цѣнномъ моментѣ ея. Обидно! Еще болѣе несправедлива эта смерть, потому что покойный въ послѣдніе годы напряженно и съ успѣхомъ работалъ надъ капитальнымъ изслѣдованіемъ о состояніи народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ. Для разрѣшенія этого вопроса покойный почти въ теченіе двухъ лѣтъ собиралъ архивные матеріалы. Въ текущемъ году онъ съ любовью обрабатывалъ ихъ. Онъ постоянно думалъ и говорилъ о своихъ излюбленныхъ сюжетахъ. Онъ лелѣялъ свое изслѣдованіе, какъ лучшее сокровище. Работа подвигалась впередъ, и уже отраднo мерцалъ въ недалекомъ будущемъ ея желанный конецъ. Но вдругъ слѣпая и нелѣпая смерть подкосила его, не дала ему выпустить въ свѣтъ свое любимое дѣтище. Это жестоко!

Но не все обратилось въ прахъ. Смерть не въ состояніи уничтожить то, что посѣялъ покойный, какъ ученый, какъ преподаватель и какъ членъ университетской корпораціи. Этотъ посѣвъ долженъ произрасти. Смерть безсильна также изгладить изъ нашей памяти образъ ученаго работника, самоотверженнаго и неутомимаго, какимъ былъ покойный Иванъ Николаевичъ. Много пришлось ему поработать, прежде чѣмъ онъ сталъ на свою дорогу профессора политической экономіи и статистики. Онъ жадно бросался изъ одной среды знаній въ другую. Окончивъ физико-математическій факультетъ по естественному отдѣленію, онъ изучаетъ сельскохозяйственныя науки, затѣмъ переходитъ къ юриспруденціи и политической экономіи, наконецъ, пишетъ изслѣдованіе по исторіи экономическаго

быта Россіи. Много потребовалось труда, чтобы одолѣть всю эту разнообразную массу знаній. Въ послѣдніе годы я имѣлъ возможность непосредственно слѣдить за ходомъ его занятій. Я живо помню, какъ онъ занимался въ Московскихъ архивахъ. Онъ исколоталъ себѣ разрѣшеніе оставаться въ архивахъ сверхъ положенной нормы часовъ и каждый день просиживалъ тамъ отъ 8 часовъ утра до 4 часовъ вечера. Между тѣмъ время было лѣтнее, и въ городѣ стояла нестерпимая жара. При этомъ меня поражалъ полный индифферентизмъ и аскетизмъ по отношенію къ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Единственнымъ его удовольствіемъ и отдыхомъ служили вечернія прогулки въ скверѣ, расположенномъ вокругъ храма Христа Спасителя. Пріѣхавши въ Харьковъ, покойный продолжалъ работать. Недавно, недѣли двѣ—три тому назадъ, онъ докладывалъ въ нашемъ историческомъ обществѣ результаты своего изслѣдованія и оживленно спорилъ съ возражавшими ему оппонентами. Онъ писалъ до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не свалила его съ ногъ. Говорятъ, что въ состояніи безпамятства онъ бредилъ любимыми темами своихъ изслѣдованій. Можно поэтому сказать, что и умеръ онъ на трудовомъ посту ученаго работника. Съ почтеніемъ преклоняюсь предъ величіемъ той трудовой ноши, которую выдержалъ на себѣ покойный Иванъ Николаевичъ на своемъ короткомъ вѣку. Пусть этотъ неугомонный при жизни труженикъ найдетъ себѣ отдыхъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, но жизнь безконечная («Х. В.»).

V.

Памяти И. Н. Миклашевскаго.

Нѣтъ между нами отзывчиваго, участливаго, дорогого товарища, готоваго жертвовать временемъ, здоровьемъ, матеріальными средствами служенію наукъ и университету. Не стало между нами горячо убѣжденнаго, твердо вѣрящаго въ свое призваніе ученаго руководителя молодежи, лучшаго академическаго дѣятеля. Одушевленный образцовыми гражданскими чувствами, И. Н. служилъ университету, какъ и обществу, вѣрою и правдою, не щадя силъ, далеко не обильныхъ. Онъ сошелъ съ житейской арены во цвѣтѣ лѣтъ, надеждъ, съ вѣрою въ лучшее будущее университета, честно и великодушно потрудившись для общаго дѣла. Ученыя заслуги И. Н. будутъ отмѣчены специалистами; да позволено мнѣ будетъ преклониться передъ тѣнью благороднаго, честнаго человѣка, гражданина-ученаго, ни на минуту не забывавшаго о своемъ долгѣ по отношенію къ обществу. Память о И. Н. всегда жива будетъ въ общественной средѣ,

въ которой онъ работалъ; примѣръ его будетъ всегда назиданіемъ его сотрудникамъ и преемникамъ. Въ сердцахъ друзей И. Н. оставить навсегда глубокую скорбь; мы будемъ жалѣть не того, чей высокій духъ успѣлъ освободиться отъ скорбной жизни, а тосковать въ тяжелыя минуты гражданской дѣятельности, не слыша его добраго, проникнутаго вѣрою въ идеаль призыва, его рѣчи, полной ума и чувства.

Multis ille occidit flebilis. («Х. В.»).

Проф. Л. Шепелевичъ.

VI.

Проф. И. Н. Миклашевскій

(Изъ воспоминаній о немъ).

Оторванный въ обычные, дѣловые дни отъ интересовъ родного университета, отъ его радостей и печалей, я, узнавши вчера о неожиданной для меня кончинѣ профессора Ивана Николаевича Миклашевскаго, пережилъ нѣсколько минутъ прошедшаго времени и полный благодарныхъ воспоминаній о своемъ бывшемъ учителѣ, чувствую себя въ правѣ сказать доброе слово въ память дорогого покойника.

Иванъ Николаевичъ появился среди профессоровъ юридическаго факультета, Харьковскаго университета, въ 1897 году и занялъ кафедру статистики; затѣмъ, по смерти проф. Цѣхановецкаго, онъ занималъ кафедру политической экономіи...

Какъ сейчасъ помню эту первую лекцію, которой началъ покойный Иванъ Николаевичъ чтеніе политической экономіи послѣ одного изъ талантливейшихъ истолкователей основы этой науки—проф. Цѣхановецкаго. Эта лекція, посвященная памяти проф. Цѣхановецкаго, была прочитана Иваномъ Николаевичемъ съ такой любовью, съ такимъ глубокимъ уваженіемъ къ знаніямъ и таланту своего предшественника по кафедрѣ, что намъ, молодымъ его слушателямъ, не успѣвшимъ еще понять и оцѣнить научныхъ заслугъ этого профессора, тогда съ поразительной очевидностью стало ясно, какую тяжелую потерю съ его смертью понесла наука, а вмѣстѣ съ ней и Харьковскій университетъ. Ясно помню нервное, худое лицо Ивана Николаевича, когда онъ, съ глазами, полными слезъ, выходилъ изъ аудиторіи, гудѣвшей отъ дружныхъ искреннихъ аплодисментовъ. Послѣ этой лекціи у многихъ изъ насъ установились самыя близкія, симпатичныя отношенія съ Иваномъ Николаевичемъ, и кто узналъ его близко, тотъ, думаю, не могъ не уважать и

не любить его. Безукоризненный труженикъ, Иванъ Николаевичъ требовалъ и отъ студентовъ добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу и часто, во время бесѣдъ у себя на дому, укоряя насъ въ нерадѣннѣи и нежеланнѣи усовершенствовать свои знанія, онъ любилъ повторять слова указа Петра В.: «что добро и надобно, а новое, то наши люди безъ принужденія не сдѣлають».

Занявъ съ самаго начала кафедру статистики, Иванъ Николаевичъ читалъ намъ также параллельныя лекціи, спеціально посвященныя изученію сельско-хозяйственной статистики въ Россіи.

Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи было, между прочимъ, однимъ изъ любимыхъ вопросовъ Ивана Николаевича и, ознакомившись съ его трудомъ: «Исторія хозяйств. быта Московскаго Государства» (Москва 1894 г.), можно видѣть, какъ широко понималъ покойный профессоръ задачу историка сельскаго хозяйства (Введеніе, стр. 5) и какой богатый матеріалъ собралъ онъ въ упомянутомъ трудѣ для научнаго рѣшенія этого очереднаго у насъ вопроса (стр. 267—310).

Въ лицѣ покойнаго Ивана Николаевича нашъ университетъ потерялъ безспорно талантливаго и въ высшей степени добросовѣстнаго профессора, любившаго науку, много во имя ея потрудившагося и умѣвшаго вселить къ ней любовь у своихъ слушателей;—въ этомъ—главнѣйшая его заслуга, какъ преподавателя, и за это вѣчно ему спасибо! Спасибо также и за то, что своимъ примѣромъ честнаго исполненія лежавшаго на немъ дѣла—онъ воспитывалъ въ этомъ направленнѣи близкихъ къ нему по симпатіямъ бывшихъ его слушателей... Да простится одному изъ нихъ за это безыскусное слово, сказанное отъ искренняго сердца надъ свѣжей и, тяжело сказать, слишкомъ ранней могилой дорогаго наставника. *Sit tibi terra levis.* («Ю. К.»).

Г. П—въ.

VII.

Засѣданіе Историко-Филологическаго Общества, посвященное памяти проф. И. Н. Миклашевскаго.

Въ четвергъ, 13-го декабря, состоялось засѣданіе Историко-Филологическаго Общества при Харьковскаго университетѣ, посвященное памяти профессора Ивана Николаевича *Миклашевскаго*; засѣданіе почтили присутствіемъ родственники покойнаго профессора и нѣкоторые члены Юридическаго Общества.

Предсѣдатель Общества, *проф. Н. О. Сумцовъ* сказалъ слѣдующее слово, посвященное памяти И. Н. Миклашевскаго:

«3-го декабря скончался на 43-мъ году жизни профессоръ Харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Горестная потеря для русской науки, для Харьковского университета, для тѣхъ друзей покойнаго, которые уважали и любили его, какъ весьма свѣдующаго ученаго, какъ человѣка высокихъ нравственныхъ качествъ. Иванъ Николаевичъ въ послѣднее время работалъ чрезвычайно энергично, точно онъ предчувствовалъ, что надъ нимъ носится ангелъ смерти, точно спѣшилъ внести въ науку и университетъ свой личный вкладъ.

Такъ недавно, 30-го октября, Иванъ Николаевичъ въ засѣданіи Историко-филологическаго Общества прочелъ превосходный докладъ по исторіи древне-русскаго хозяйства. Такъ недавно, въ половинѣ ноября, еще бодрый и энергичный, онъ несъ главную работу въ университетской комиссіи по сооруженію памятника В. Н. Каразину. Еще такъ недавно при освященіи памятника Г. М. Цѣхановецкому видѣли его съ обнаженной головой передъ могилой покойнаго ректора. Еще такъ недавно въ совѣтѣ раздавались его продуманныя и сердечныя рѣчи въ пользу университетскихъ реформъ. Иванъ Николаевичъ приступалъ къ изданію большаго научнаго труда, подготовленнаго посредствомъ тщательныхъ архивныхъ розысканій; но «вечиронька на столи, а смерть за плечима». Бывшій ключомъ источникъ духовной жизни сразу изсякъ. Разбилось въ дребезги любящее, открытое, отзывчивое сердце; оно оказалось слабымъ передъ таковымъ недугомъ. Навсегда умолкъ голосъ, неуклонно призывавшій, въ предѣлахъ искренняго индивидуальнаго пониманія, къ исполненію высшихъ задачъ и лучшихъ цѣлей жизни. Среди выдающихся достоинствъ Ивана Николаевича прежде всего нужно отмѣтить разнообразіе и разносторонность его научныхъ стремленій, его необыкновенную работоспособность и присутствіе живыхъ общественныхъ интересовъ. Студентъ естественникъ Иванъ Николаевичъ съ теченіемъ времени занялъ каѳедру на юридическомъ факультетѣ и во многихъ отношеніяхъ вошелъ въ кругъ научныхъ интересовъ профессоровъ-филологовъ. Въ университетѣ Иванъ Николаевичъ былъ живымъ связующимъ звеномъ между факультетами юридическимъ и историко-филологическимъ, не только въ сферѣ научныхъ интересовъ, но и въ кругу личныхъ отношеній. Среди профессоровъ историко-филологическаго факультета Иванъ Николаевичъ давно считался своимъ человѣкомъ, близкимъ и дорогимъ человѣкомъ общихъ научныхъ стремленій и общихъ симпатій. Мало того, Иванъ Николаевичъ сумѣлъ занять видное мѣсто и въ Историко-филологическомъ Обществѣ, и въ

Педагогическомъ Отдѣлѣ, въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ онъ былъ двигательной, дѣятельной силой, въ обоихъ онъ читалъ свои рефераты, въ которыхъ съ чисто научными интересами искусно соединялъ живыя общественныя стремленія. Въ послѣдніе годы въ университетѣ не было кажется ни одного сколько нибудь крупнаго дѣла, въ обсужденіи котораго Иванъ Николаевичъ не принялъ самаго дѣятельнаго участія. Такъ, обстоятельный докладъ университетской комиссіи 1897 г. по вопросу объ уничтоженіи профессорскаго гонорара составленъ былъ Иваномъ Николаевичемъ. Извѣстно далѣе, какое видное участіе принималъ Иванъ Николаевичъ въ составленіи доклада комиссіи по вопросу объ измѣненіи устава 1884 г. и въ возникшихъ по этому поводу въ совѣтѣ дебатахъ. Историко-филологическое Общество къ благодарности покойному за его участіе въ докладахъ должно присоединить еще благодарное воспоминаніе о его участіи въ разработкѣ проекта новаго устава. Этотъ слабый, болѣзненный человѣкъ не боялся работы, онъ работалъ съ примѣрной настойчивостью и образцовой добросовѣстностью, безъ высокомерія, съ всегдашней готовностью выслушать всѣ замѣчанія и исправить всѣ достаточно доказанныя ошибки, и много было духовной силы въ этомъ слабомъ, хиломъ тѣлѣ. Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, и да будетъ имя твое вѣчно дорогимъ и памятнымъ въ лѣтописяхъ Харьковскаго университета!»

Проф. *Д. И. Багалъ* въ своей рѣчи говорилъ объ ученой дѣятельности покойнаго *И. Н. Миклашевскаго* и специально остановился на его магистерской диссертациі о заселеніи и хозяйственномъ бытѣ южной окраины Московскаго государства въ XVII вѣкѣ. Указавъ на значеніе этого труда не только для политической экономіи, но и для русской исторіи, ораторъ выразилъ пожеланіе объ изданіи Обществомъ оставшихся не изданными его трудовъ.

По предложенію проф. *Н. Θ. Сумцова*—рѣшено издать сборникъ всѣхъ статей и рѣчей, посвященныхъ памяти проф. *И. Н. Миклашевскаго*, и приложить къ нему портретъ покойнаго; равно обратиться съ предложеніемъ къ наслѣдникамъ о готовности издать ненапечатанные еще труды покойнаго. *М. Д. Линда* указалъ на труды *И. Н. Миклашевскаго* въ Харьковскомъ Обществѣ Грамотности; и *В. П. Бузескулъ* о его трудѣ въ комиссіи по выработкѣ проекта новаго университетскаго устава.

VIII.

† И. Н. Миклашевскій.

Въ ночь со второго на третье декабря 1901 г. скончался профессоръ политической экономіи и статистики Харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Покойному было всего 43 года и смерть безжалостно оторвала его отъ работы въ самую, быть можетъ, лучшую и зрѣлую эпоху его жизни. Въ надгробной рѣчи одинъ изъ его товарищей по университету профессоръ Гредескулъ сказалъ ¹⁾: «покойный И. Н. былъ весьма значительной научной и преподавательской силой нашего университета... Я считаю уместнымъ указать здѣсь одну замѣчательную черту его, какъ ученаго и преподавателя. Это былъ образцовый, европейски образцовый, работникъ. Онъ работалъ не урывками, не порывами, а постоянно и непрерывно, почти не отходя отъ своего письменнаго стола съ пишущей американской машинкой и ни на минуту не прекращая своего научнаго мышленія. Его рабочий день начинался утромъ рано, а оканчивался поздно ночью». Въ этихъ словахъ вѣрно схвачена особая природа покойнаго профессора, которая подтверждается и всей исторіей его жизни. Это былъ дѣйствительно научный работникъ по призванію, съ безконечной жадной знанія и съ умѣніемъ добывать его упорно, не щадя силъ и находя даже въ случаяхъ тяжкаго нездоровья и житейскихъ невзгодъ бодрость и поддержку въ научной работѣ. Постоянное стремленіе къ знанію, никогда не падающая энергія духа, сила воли даже въ самыя тяжелыя минуты, способность ради знанія и истины пожертвовать всѣми жизненными благами, широта взгляда, многосторонность знанія, душевная доброта и умѣніе цѣнить людей—вотъ личныя характерныя особенности покойнаго.

По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ въ Одессѣ съ золотою медалью, которую ему, однако, не удалось получить благодаря разнымъ факультетскимъ дразнямъ, онъ рѣшается заняться геологіей, поселяется въ Москвѣ и долго, напряженно работаетъ въ этой области. Цѣлый рядъ личныхъ обстоятельствъ, однако, отрываетъ его отъ этой работы; онъ переѣзжаетъ въ Черниговскую губернію и пытается заняться сельскимъ хозяйствомъ и земскою дѣятельностью. Остается здѣсь онъ недолго, но успѣваетъ скоро сдѣлаться виднымъ земцемъ. Выбранный совѣтомъ Петровско-Разумовской академіи въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію, онъ немедленно отправляется въ Москву и съ новой энергіей принимается за изученіе сельскаго хозяйства вмѣстѣ съ другимъ же стипендіатомъ И. В.

¹⁾ См. эту рѣчь выше.

Рябининымъ. Какъ лицъ, чуждыхъ академіи (совѣтъ академіи избиралъ стипендіатовъ не изъ своихъ учениковъ, а изъ окончившихъ естественный факультетъ по требованію министерства),—товарищи профессора встрѣтили ихъ нѣсколько холодно. Чтобы упрочить свое положеніе въ качествѣ представителя новой для него отрасли знанія и чтобы улучшить свои отношенія къ товарищамъ, И. Н. немедленно принимается за работу и къ общему удовольствію сдаетъ экзаменъ на кандидата сельскаго хозяйства, затѣмъ сдаетъ въ академіи же магистерскій экзаменъ и становится преподавателемъ сельскохозяйственнаго законовѣдѣнія или вѣрнѣе, какъ онъ самъ выражался, полиціи сельскаго хозяйства, т. е. «той области знанія, которая имѣетъ своимъ предметомъ вѣщнія, правовыя и экономическія, условія организаціи сельскаго хозяйства и всѣ мѣры, содѣйствующія развитію сельскаго хозяйства, какъ одной изъ важнѣйшихъ отраслей народнаго хозяйства». Это былъ одинъ изъ первыхъ курсовъ въ этомъ родѣ у насъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, читать пришлось этотъ курсъ покойному недолго. Сохранился только небольшой студенческой литографированный конспектъ этого курса, надъ которымъ авторъ собирался впоследствии еще много работать. Читая лекціи и дѣятельно работая надъ курсомъ, И. Н. трудится въ архивахъ и надъ магистерской диссертацией, которую и печатаетъ въ 1894 году подъ заглавіемъ: «Къ исторіи хозяйственного быта Московскаго Государства. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины 17 вѣка т. I». Диссертация покойнаго имѣла значительный успѣхъ. На диспутѣ принимали участіе въ Петровской академіи нѣкоторые московскіе историки, въ томъ числѣ профессоръ Милуковъ; авторъ скоро сошелся и сталъ въ дружескія отношенія со многими изъ небольшой русской семьи историковъ-экономистовъ, въ особенности съ проф. Лаппо-Данилевскимъ. Въ это же время неожиданно прервалась и его дѣятельность въ академіи. Съ преобразованиемъ Петровской академіи послѣ директорства Юнге, весь составъ преподавателей остался за штатомъ. И. Н. былъ назначенъ членомъ особаго совѣщанія отъ министерства земледѣлія въ Симферополь, для выработки закона о пользованіи водами въ Крыму. По исполненіи порученія ему предлагали перейти въ администрацію министерства, оставивъ научную дорогу и преподавательскую дѣятельность. Но онъ рѣшительно отказался. Я забылъ упомянуть, что въ послѣдніе годы жизни старой академіи, чувствуя ея близкое закрытіе, съ туберкулезными язвами въ горлѣ, онъ рѣшилъ, чтобы не падать духомъ отъ болѣзни пріобрѣсти еще новую степень, которая могла бы открыть ему дорогу въ университетъ и къ занятіямъ въ области политической экономіи и статистики, на изученіи которыхъ онъ, главнымъ

образомъ, сосредоточился, преподавая полицію сельскаго хозяйства. Онъ успѣшно приобрѣлъ степень кандидата правъ въ Ярославскомъ лицѣѣ. Въ 1895 г., по отзыву проф. Багалѣя, академія наукъ присудила ему за диссертацию Уваровскую премію и это открыло ему дальнѣйшую дорогу. Онъ сталъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета, принялся здѣсь за чтеніе лекцій по экономіи сельскаго хозяйства; въ то же время преподавалъ политическую экономію и законовѣдѣніе въ техническомъ училищѣ и межевомъ институтѣ. Это была одна изъ самыхъ тяжкихъ эпохъ его жизни. Недавно женившійся, оставшійся за штатомъ и не имѣвшій лично средствъ, преподавая почти бесплатно, и одновременно работая надъ новымъ для него дѣломъ, онъ все-таки, даже не взирая на нездоровье, не падалъ духомъ и на всѣ соблазны уйти съ ученаго пути отвѣчалъ отказомъ, вѣруя въ свое призваніе и считая профессору чѣмъ то чистымъ, высокимъ и благороднымъ.

Въ 1896 году министерство народнаго просвѣщенія оцѣнило его болѣе министерства земледѣлія. Онъ былъ назначенъ сначала на кафедру политической экономіи въ Ярославль и, тотчасъ же по смерти профессора Сокальскаго, переведенъ въ Харьковъ на кафедру статистики по желанію факультета и по собственной просьбѣ. Назначеніе въ университетъ и на кафедру было однимъ изъ лучшихъ дней его жизни. Я помню, какъ онъ, уже не молодой человѣкъ, писалъ объ этомъ матери и слезы текли у него изъ глазъ. Для него кафедра не была карьерой; много разъ ему представлялась возможность устроиться лучше, съ большимъ матеріальнымъ комфортомъ; для него кафедра—это была жизнь, возможность спокойно научно работать надъ собой, для студентовъ, дѣлиться съ аудиторіей той истиной и правдой, которую онъ такъ долго, такъ жадно, съ такимъ талантомъ и непрерывно искалъ. Послѣ смерти профессора Цѣхановецкаго онъ сталъ соединять въ себѣ и преподавателя политической экономіи. Преподаваніе статистики онъ началъ раньше и успѣлъ издать литографированное пособіе для студентовъ, которымъ онъ отчасти и воспользовался, написавъ для словаря Брокгауза большую статью «статистика». Въ послѣднее время своей жизни онъ былъ занятъ двумя работами: онъ хотѣлъ обработать свой курсъ статистики и издать его для печати, а, кромѣ того работалъ надъ докторской диссертацией по исторіи же экономическаго быта, сельскаго хозяйства и промышленности Московскаго государства 17 вѣка. Съ момента своего назначенія въ Харьковъ, онъ, какъ самъ выражался, немедленно «засѣлъ» въ архивъ; послѣ трехъ лѣтъ преподавательской дѣятельности онъ испросилъ себѣ годичную командировку специально для занятій въ московскихъ архивахъ; всякія сво-

бодныя каникулы онъ былъ въ Москвѣ, въ архивахъ, за собираніемъ матеріаловъ. Умеръ онъ, приводя найденные документы въ порядокъ, надѣясь скоро приступить къ ихъ печатанію! И теперь эта груда матеріаловъ ждетъ друзей, которые заглянуть въ нее и, быть можетъ, сумѣютъ извлечь хоть часть того, что въ цѣломъ, конечно, потеряно, ибо нѣтъ того духа, который нашелъ бы ключъ къ думамъ человѣка, болѣе пяти лѣтъ старавшагося мысленно нарисовать себѣ картину скорбей, стремленій и быта московской Руси.

Я уже сказалъ, что покойный И. Н. былъ въ полномъ смыслѣ этого слова историкомъ-экономистомъ. Теоретической экономіи онъ не любилъ и мало занимался ею. Въ исторіи онъ искалъ ключа для открытія законовъ экономической жизни и отвѣта на вѣроятное будущее человѣчества. На его научномъ міровоззрѣніи сильно сказывалось естественно-историческое образованіе. Свою вступительную лекцію, «о численномъ методѣ при изученіи общественныхъ явленій» онъ заканчиваетъ словами Кондорсе: «единственное основаніе вѣры въ естественныя науки заключается въ идеѣ, что извѣстные или неизвѣстные законы, управляющіе явленіями міра, необходимы и постоянны; на какомъ же основаніи этотъ общій принципъ былъ бы менѣе истиннымъ для развитія умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка, чѣмъ для другихъ процессовъ природы?»

Экономическимъ матеріалистомъ онъ себя отнюдь не называлъ. Онъ не примыкалъ ни къ марксистамъ, ни къ народникамъ, такъ какъ не любилъ какихъ бы то ни было формулъ ни при изученіи прошлаго, ни для предсказанія эволюціи будущаго. Онъ не былъ противъ обобщеній, но требовалъ, чтобы они покоились на богатомъ запасѣ фактовъ, и былъ рѣшительнымъ врагомъ жалкихъ фразъ, сантиментальной утопичности и надеждъ, не вѣрилъ, что «худшее» необходимо, какъ двигающій стимулъ для пріобрѣтенія «лучшаго». Онъ самъ былъ работникомъ и требовалъ въ своихъ соціологическихъ мечтаніяхъ работы и отъ индивида, и отъ общества, и былъ защитникомъ вліянія учреждений и права на жизнь народа. Онъ былъ горячимъ защитникомъ интересовъ низшаго класса населенія, какъ крестьянскаго, такъ и рабочаго сословія; въ качествѣ уѣзднаго и губернскаго гласнаго черниговскаго земства онъ охотно работалъ и для мѣстнаго самоуправленія. Онъ былъ также защитникомъ автономіи университетовъ и, въ качествѣ секретаря коммисіи, избранной совѣтомъ харьковскаго университета для отвѣта на 19 вопросовъ, поставленныхъ министромъ народнаго просвѣщенія, онъ много и энергично работалъ, стараясь устранить грустныя стороны университетской жизни въ

обновленномъ, автономномъ университетѣ. Профессоръ И. Н. Миклашевскій былъ дѣйствительно вѣрнымъ сыномъ той науки, которую онъ преподавалъ и которая все видитъ въ народномъ трудѣ, для которой трудъ и работникъ, кто бы онъ ни былъ, сила настоящего и надежда будущаго. Спи же спокойно, дорогой работникъ, ты рано довелъ свою трудовую жизнь до конца, она была полна лучшихъ стремлений и, какъ истинный сынъ труда, ты шелъ постоянно и бодро впередъ. Спи же, отдыхай, когда-нибудь да надо знать покой... (Изъ № 1 Русскаго Экономическаго Обозрѣнія за 1902 г.).

А. Миклашевскій.

IX.

Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

(Некрологъ).

3 декабря минувшаго года скончался 43 лѣтъ отъ роду профессоръ политической экономіи харьковскаго университета Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Участвуя во многихъ спеціальныхъ и общихъ періодическихъ изданіяхъ, покойный состоялъ между прочимъ и сотрудникомъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. Хотя это сотрудничество и не было постояннымъ, но редакція „Вѣстника Воспитанія“ считала его въ числѣ лицъ, сочувственно и дружественно относившихся къ ея изданію, и неоднократно пользовалась его услугами и совѣтами по разнымъ предметамъ.

И. Н. по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ принадлежалъ къ числу лучшихъ представителей современной русской науки, въ служеніи которой онъ видѣлъ высокую общественную задачу, и въ теченіе всей своей жизни всегда оставался вѣренъ тѣмъ идеаламъ, которые вдохновляли его еще въ дни юности. Въ университетѣ онъ учился въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ. Всѣмъ памятно еще на строеніе тогдашней молодежи. Покойный раздѣлялъ всѣ ея вѣрованія и надежды, но въ то же время довольно замѣтно выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей здравымъ пониманіемъ условій окружающей дѣйствительности, высоко цѣнилъ завоеванія европейской культуры и роль науки въ дѣлѣ общественнаго развитія, тогда какъ многіе изъ его сверстниковъ придавали всему этому второстепенное значеніе. Склонность къ систематическимъ научнымъ занятіямъ сказалась у И. Н. еще на студенче-

ской скамьѣ. Окончивъ курсъ на естественномъ факультетѣ одесскаго университета, куда онъ былъ принужденъ перейти изъ петербургскаго университета, покойный получилъ золотую медаль за сочиненіе «Геологія Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи» (И. Н. былъ уроженецъ этой губерніи и происходилъ изъ древняго помѣщичьяго рода). Образование покойнаго отличалось большою энциклопедичностью: не ограничиваясь знаніями, полученными имъ на физико-математическомъ факультетѣ, онъ вскорѣ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата сельскаго хозяйства въ бывшей Петровско-Разумскій академіи, гдѣ онъ затѣмъ состоялъ преподавателемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до преобразованія ея въ сельскохозяйственный институтъ; кромѣ того, И. Н. выдержалъ еще экзаменъ на степень кандидата правъ, посвятивъ себя впослѣдствіи занятіямъ политической экономіей и статистикой. До назначенія своего въ 1896 г. профессоромъ въ ярославскій лицей, откуда онъ вскорѣ былъ переведенъ въ харьковскій университетъ на кафедру двухъ названныхъ наукъ, И. Н. состоялъ еще преподавателемъ въ качествѣ приватъ-доцента, въ московскомъ университетѣ, въ межевомъ корпусѣ и въ техническомъ училищѣ.

Такая разносторонность занятій и такая энциклопедичность приобрѣтенныхъ имъ знаній, быть можетъ, была причиною того, что И. Н. въ области научныхъ изысканій сдѣлалъ менѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать по своимъ блестящимъ способностямъ. Доказательствомъ его выдающагося дарованія можетъ служить его мастерская диссертация, защищенная имъ въ 1895 г., — «Къ исторіи сельскохозяйственнаго быта Московскаго государства» (ч. 1. «Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка»). Диссертация эта, составленная на основаніи самостоятельнаго изученія первичныхъ источниковъ, встрѣтила всеобщее одобреніе въ ученомъ мірѣ и была удостоена Уваровской преміи отъ академіи наукъ. Въ предисловіи къ этому своему труду И. Н. говоритъ: «Обстоятельства, совершенно независяція отъ автора, побуждаютъ его выпустить въ свѣтъ эту книгу гораздо раньше, чѣмъ онъ то предполагалъ сдѣлать. Оттого нѣкоторые вопросы являются въ ней гораздо болѣе поставленными, чѣмъ разрѣшенными. Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что при разработкѣ собраннаго имъ матеріала для 2-го тома ему удастся работать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было теперь, и онъ восполнить въ будущемъ тѣ пробѣлы и промахи, которые видны ему самому и на которые укажетъ ему критика» (стр. 13). Къ сожалѣнію, мечтамъ автора не удалось осуществиться: предполагавшійся 2-й томъ его работы, который долженъ былъ послужить ему докторской диссертацией, не увидѣлъ свѣта; преждевременная смерть помѣшала ему завершить свой трудъ, который уже бли-

ИРИНА НАУКОВ
БИБЛИОТЕКА Х.Д.У.
1895 г. № 105193

зились къ концу, и это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что хозяйственная исторія Россіи еще слишкомъ мало разработана и ждетъ еще своихъ изслѣдователей.

Не станемъ перечислять и характеризовать другихъ работъ И. Н.; скажемъ только, что, по общимъ отзывамъ, онѣ отличаются научною объективностью и проникнуты широкимъ взглядомъ на явленія соціальной жизни. Покойный былъ даровитымъ мыслителемъ и работникомъ. Его кратковременная жизнь была полна всякаго рода невзгодъ и лишеній, но онъ долженъ былъ испытывать чувство самоудовлетворенія, такъ какъ никогда не отступалъ отъ того, что считалъ за добро и истину. («Вѣстн. Воспит.», 1902, I.).

Х.

Иванъ Николаевичъ Миклашевскій.

(Некрологъ).

3-го декабря 1901 года умеръ въ Харьковѣ послѣ кратковременной болѣзни (воспаленія легкихъ) профессоръ политической экономіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Въ лицѣ его университетъ потерялъ безспорно «значительную научную и преподавательскую силу», а русская историческая наука лишилась серьезнаго изслѣдователя и одного изъ очень немногихъ беззавѣтныхъ тружениковъ и чернорабочихъ на неблагодарной почвѣ изученія архивныхъ документовъ въ нашихъ неустроенныхъ архивахъ. Эта утрата тѣмъ болѣе грустна, что человѣкъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ: ему было только 43 года. И умеръ онъ въ ту самую пору, когда только лишь углубился въ обработку архивнаго матеріала, собраннаго въ теченіи двухъ лѣтъ упорнаго труда.

Родомъ изъ дворянъ Черниговской губерніи (родился въ 1858 году), И. Н. Миклашевскій, какъ и многіе изъ талантливыхъ русскихъ людей, не сразу обрѣлъ свое настоящее призваніе. Въ университетѣ онъ посвятилъ себя изученію естественныхъ наукъ. Поступилъ онъ сначала въ Петербургскій университетъ; оттуда въ силу житейскихъ обстоятельствъ долженъ былъ перебраться въ Московскій; но и здѣсь не могъ остаться до окончанія курса: состояніе здоровья вынудило его переселиться на югъ, въ Одессу, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1882 году со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Еще будучи студентомъ, онъ получилъ почетный отзывъ за сочиненіе «О геологическомъ строеніи юго-западной

Россіи», по окончаніи курса продолжалъ спеціальныя занятія по геології и въ 1883 году напечаталъ свое изслѣдованіе «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи». Но опять житейскія обстоятельства вынудили его поселиться въ родномъ гнѣздѣ и заняться хозяйствомъ, что не помѣшало ему выступить одновременно и на поприщѣ земской дѣятельности въ качествѣ уѣзднаго (по Городнянскому уѣзду) и губернскаго гласнаго Черниговской губерніи. Интересъ однако влекъ его къ научной работѣ. Поэтому онъ съ радостью принялъ въ октябрѣ 1885 года назначеніе стипендіатомъ высшаго оклада при Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи для приготовленія къ профессорскому званію. Такая отвѣтственная задача налагаетъ на каждого совѣстливаго и самолюбиваго человѣка рядъ серьезныхъ обязательствъ. Положеніе же И. Н. Миклашевскаго оказалось особенно труднымъ. Прежде всего избранный имъ предметъ — сельско-хозяйственная экономія — вынуждалъ его заняться спеціальнымъ изученіемъ политической экономіи и по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ правовѣдѣнія, предметовъ довольно далекихъ отъ его университетской подготовки. Сверхъ того онъ, какъ человѣкъ чрезвычайно щепетильный, счелъ себя обязаннымъ, при вступленіи въ среду преподавателей спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія, явиться туда не чужимъ человѣкомъ, а по крайней мѣрѣ съ званіемъ кандидата по этой спеціальности. Въ 1887 году, по выдержаніи экзамена и по одобреніи кандидатскаго разсужденія «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи», онъ утвержденъ былъ совѣтомъ Академіи въ степени кандидата сельскаго хозяйства, что конечно содѣйствовало въ значительной мѣрѣ упроченію положенія въ Академіи, но въ то же время отвлекало его отъ его спеціальныхъ занятій.

Въ маѣ 1887 года въ совѣтѣ Академіи возбужденъ былъ вопросъ о порученіи И. Н. Миклашевскому прочесть въ предстоящемъ академическомъ году необязательный курсъ сельско-хозяйственнаго законовѣдѣнія. Это предложеніе принято было совѣтомъ и утверждено министерствомъ. Съ октября мѣсяца 1887 года И. Н. Миклашевскій началъ свою преподавательскую дѣятельность. Повидимому онъ самъ не былъ удовлетворенъ первыми шагами на новомъ поприщѣ дѣятельности. Это видно изъ того, что выработанную имъ и утвержденную совѣтомъ программу курса онъ позднѣе переработалъ (см. объ программы въ Изв. Петровской Академіи за 1888 годъ, вып. 3-й, стр. 162, и за 1889 г., вып. 3-й, стр. 139), а также и изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ, правда, уже нѣсколько лѣтъ спустя: «я былъ такъ неостороженъ, поторопился читать лекціи, и какъ часто я объ этомъ сожалѣлъ». Положеніе его дѣйстви-

тельно было труднымъ, такъ какъ одновременно съ выработкой курса онъ готовился и къ экзаменамъ на магистра сельско-хозяйственныхъ наукъ. Къ экзаменамъ онъ приступилъ въ февралѣ 1888 года и въ маѣ окончилъ ихъ съ большимъ успѣхомъ. Еще раньше окончанія экзаменовъ совѣтъ Академіи совсѣмъ иначе оцѣнилъ первый опытъ преподавательской дѣятельности И. Н. Миклашевскаго. Въ засѣданіи 16-го апрѣля 1888 года профессоръ сельско-хозяйственной экономіи А. Н. Шишкинъ предложилъ включить читанный г. Миклашевскимъ курсъ въ число постоянно преподаваемыхъ въ Академіи предметовъ, сославшись на то, что «члены совѣта имѣли возможность убѣдиться въ успѣшности преподаванія взятаго имъ на себя курса». Подкрѣпляя свое предложеніе, профессоръ Шишкинъ замѣтилъ, что если онъ не возбуждалъ этого вопроса раньше, то только потому, что не имѣлъ въ виду лица, достаточно подготовленнаго и способнаго выполнить поставленную задачу. «Въ настоящую минуту такое лицо имѣется: это кандидатъ Петровской Академіи И. Н. Миклашевскій, который, кромѣ занятій подъ руководствомъ преподавателей Академіи, занимался также и науками, входящими въ кругъ юридическаго образованія, пользуясь совѣтами и указаніями профессоровъ Московскаго юридическаго факультета—А. И. Чупрова и И. И. Янжула». Совѣтъ согласился съ этимъ предложеніемъ и постановилъ ходатайствовать о приглашеніи И. Н. Миклашевскаго для прочтенія указаннаго курса и въ слѣдующемъ академическомъ году съ вознагражденіемъ по 100 руб. въ мѣсяцъ, что и было утверждено министерствомъ. Только черезъ годъ, по представленію совѣта, И. Н. Миклашевскій былъ назначенъ сверхштатнымъ доцентомъ Академіи.

Оставалось написать диссертацию, чтобы окончательно упрочить свое положеніе. Но какъ разъ съ этого времени надъ головой молодого ученаго начали скопляться тучи, которыя едва не изломали всей его жизни и порядкомъ ее исковеркали. Выборъ темы для молодого экономиста, такъ какъ онъ естественно все болѣе и болѣе специализировался въ этой области, оказался не легкимъ: темы по теоретической и практической экономіи сельскаго хозяйства, на которыхъ онъ испытывалъ свои силы, не увлекали его. И онъ мало по малу началъ сосредоточивать свое вниманіе на исторіи народнаго хозяйства, что и привело его къ вопросамъ экономическаго и общественнаго быта московской Руси. Но это новое направленіе работъ потребовало и новой усиленной подготовки и начитанности въ историческихъ памятникахъ и исторической литературѣ. За два—три года подготовительныя работы успѣли, очевидно, быстро подвинуться впередъ, такъ какъ въ началѣ 1892 года И. Н. Микла-

шевскій рѣшилъ приступить къ архивнымъ работамъ. Раннею весною этого года пишущему эти строки пришлось впервые встрѣтиться съ нимъ въ Москвѣ, въ читальномъ залѣ архива министерства юстиціи. Какъ вышнія условія занятій, такъ и значительное сходство интересовавшихъ насъ вопросовъ послужили весьма благопріятнымъ условіемъ къ взаимному сближенію. Въ ту пору недавно или только что вышедшіе труды А. С. Лаппо-Данилевскаго («Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій» 1890) и П. Н. Милюкова («Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 1892» и «Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. 1892»), взаимно дополнявшіе другъ друга, ставили цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ по исторіи финансовой администраціи въ связи съ группировкою общественныхъ классовъ и сословій. Происхожденіе и развитіе сошнаго оклада, значеніе живущей четверти, возникновеніе двороваго обложенія, порядокъ составленія и отличительные признаки писцовыхъ, дозорныхъ, приправочныхъ и переписныхъ книгъ—всѣ эти и близкіе къ нимъ вопросы, наряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе мелкихъ и техническихъ, какъ то: о значеніи «наддачи» и «одабриванія», о соотношеніи сохи, выти и четверти, о выраженіи «а въ дву потому жъ» и т. п. были для И. Н. Миклашевскаго самыми основными, такъ какъ безъ выясненія ихъ исторіи сельскаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ трудно было ориентироваться въ цѣломъ рядѣ документальныхъ данныхъ. Но толкованія не легко даются. Успокоиться же на первой подходящей, чаще всего готовой, формулѣ вовсе было не въ духѣ И. Н. Миклашевскаго. Наоборотъ, иная мелочь, не поддающаяся безспорному рѣшенію, могла его долго и сильно волновать. Его осторожность и даже робость въ заключеніяхъ имѣли своимъ источникомъ строгую требовательность къ самому себѣ. Эта строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ, отнюдь не переходящая въ безразличіе, составляли одну изъ самыхъ характерныхъ и привлекательныхъ чертъ его натуры.

Разъяснить всѣ намѣченные вопросы въ короткое время было бы не подъ силу даже для крупнаго ума, опытнаго въ историческихъ изслѣдованіяхъ. И. Н. Миклашевскій былъ новичкомъ въ дѣлѣ, и естественно, что для него на первыхъ порахъ возникали все новыя и новыя сомнѣнія, открывались новыя и новыя трудности. Не одинъ изъ начинающихъ изслѣдователей отступалъ передъ подобными вырастающими преградами и покидалъ навсегда трудный путь научнаго работника. Но И. Н. Миклашевскій былъ иного закала челоуѣкъ. Его энергіи постоянно

приходилось удивляться и часто завидовать ему. Достаточно, казалось бы, посмотре́ть на его тщедушную фигуру, чтобы сде́лать совершенно обратное заключе́ние о трудоспособности челове́ка: высокі́й ростомъ, очень худой, плоскогрудый, подверженный частымъ припадкамъ удушливаго кашля, онъ производилъ впечатлѣніе очень хрупкаго, очень больнаго челове́ка. А между тѣмъ, наперекоръ латинской пословицѣ, въ этомъ болѣзненномъ тѣлѣ жилъ духъ удивительной энергіи и силы воли. Пять мѣсяцевъ совмѣстной работы, изъ которыхъ три мы жили вмѣстѣ и вмѣстѣ путешествовали изъ Петровской академіи на Дѣвичье поле, въ архивъ юстиціи, гдѣ проводили семь часовъ въ день (отъ 11 до 6), доказали, что переработать этого хрупкаго челове́ка было не легко. Онъ, правда, утомлялся физически, но по возвращеніи изъ архива, сейчасъ же послѣ обѣда шелъ отдыхать въ прекрасный академическій паркъ и во время прогулокъ оживленно дѣлился результатами трудового дня. На слѣдующій день, въ половинѣ десятаго утра мы снова садились на паровой трамвай, и такъ изо дня въ день, кромѣ праздниковъ и суббота, когда архивъ былъ закрытъ; но по субботамъ мы обычно посѣщали Румянцевскій музей.

И по окончаніи каникулярнаго времени И. Н. Миклашевскій продолжалъ работать въ архивѣ, хоть текуція занятія не позволяли продолжать ихъ съ прежнею регулярностью. Между тѣмъ для него все болѣе и болѣе выяснялись какъ общія границы работы, такъ и отдѣльныя частности. «Пресловутое «дву потому жъ», писалъ онъ, становится для меня яснымъ. Буду доказывать, что четвертное измѣреніе не было измѣреніемъ въ геометрическомъ смыслѣ слова. Писцы измѣряли землю десятинами, а затѣмъ, «изверставъ по вытямъ», если дѣло шло о надѣлѣ группы, клали въ четверти. Для южной Россіи это для меня несомнѣнный фактъ... Уразумѣлъ также, что значать тѣ случаи пашни волче, о которыхъ мы толковали. Это формы сябриннаго землевладѣнія». Про свою будущую работу онъ со свойственной ему скромностью выражался такъ: «Послѣдняя явится, можетъ быть, «счетомъ, предъявленнымъ къ оплатѣ» и даже по товару не особенно дорогому, но во всякомъ случаѣ для меня пріятному... Мыслей достаточно, хотя я и крѣпко боюсь, что напишу книгу, которой не признають историки, не одобряють экономисты и не стануть читать сельскіе хозяева. Относительно послѣднихъ не сомнѣваюсь ни на одну минуту». Но рядомъ съ этими радостями выясняющихся результатовъ работы, зима 1892—1893 г. принесла и рядъ серьезныхъ невзгодъ: во-первыхъ, здоровье не выдержало такого напряженія силъ; во-вторыхъ, предстоящее преобразованіе Академіи все острѣе

напоминало о неопредѣленности будущей судьбы. Въ письмѣ отъ 5-го мая 1893 г., послѣ продолжительнаго молчанія, И. Н. Миклашевскій сообщалъ, что «9-го будетъ ровно два мѣсяца, какъ я не выхожу изъ квартиры. Совершенно неожиданно для меня въ горлѣ моемъ появились язвы. Диспутъ С. О. Фортунатова и чтеніе лекцій еще больше растравили ихъ, и въ результатѣ продолжительный арестъ. Бѣда только въ томъ, что язвы эти глубокаго происхожденія. Причина ихъ, по опредѣленію врачей, коренится въ неисправностяхъ моихъ легкихъ. Я вѣдь давно больной человѣкъ: еще 12 лѣтъ тому назадъ у меня проявилось какъ то кровохарканье, и съ тѣхъ поръ легкія постоянно напоминали мнѣ о «memento mori». Въ нынѣшнемъ году я какъ будто забылъ, что я, по опредѣленію покойнаго проф. Шкляревскаго, разбитая посуда, и переборщикъ: 1) слишкомъ много занимался, и въ архивѣ главнымъ образомъ, а 2) жилъ въ городѣ совсѣмъ по студенчески: въ отвратительной и холодной квартирѣ и при не менѣе отвратительномъ питаніи. Оказывается, въ моемъ возрастѣ и при моемъ здоровьи этого нельзя». Его больше всего сокрушало, что доктора категорически запретили ему заниматься лѣтомъ въ архивѣ, такъ какъ вѣда по пыльному городу и архивная пыль были бы для него смертельнымъ ядомъ. А между тѣмъ архивъ юстиціи въ лѣтніе мѣсяцы былъ открытъ до 6 часовъ. Съ другой стороны не могла не заботить и дальнѣйшая судьба послѣ предстоящаго закрытія Академіи. Ближайшимъ образомъ предстоялъ двоякій выходъ: или торопиться съ диссертацией, чтобъ успѣть защитить ее до закрытія Академіи и тѣмъ спасти всѣ права, пріобрѣтенныя въ Академіи по выдержаніи кандидатскаго и магистерскаго экзаменовъ, или пожертвовать всѣмъ этимъ и начинать все снова, сдавъ экзамены за юридическій факультетъ съ тѣмъ, чтобъ магистривать по политической экономіи. Лишенный возможности работать въ архивѣ, И. Н. Миклашевскій рѣшилъ попытать подвести итоги собранному архивному матеріалу, а главнымъ образомъ посвятить свое время подготовкѣ къ экзамену на кандидата правъ при Ярославскомъ лицѣѣ. Несмотря на столь грозныя предзнаменованія относительно исхода своей болѣзни, когда про человѣка можно было сказать, что онъ одной ногой стоитъ въ гробу, этотъ человѣкъ, нисколько не падая духомъ, съ поразительной энергіей работалъ въ теченіе всего лѣта 1893 года и въ концѣ августа поѣхалъ въ Ярославль сдавать кандидатскіе экзамены. Объ исходѣ экзаменовъ онъ писалъ: одолѣли меня настоящія юридическія науки въ видѣ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ правъ и судопроизводствъ. Въ особенности ужасны эти судопроизводства со всякими сроками, частными жалобами

и пр.» О подробностях экзаменов онъ рассказывалъ, какъ иные изъ преподавателей умно и деликатно поправляли его ошибки, отчего ему становилось стыдно и жутко. «Могу лишь сказать, что въ другой разъ не сталъ бы держать экзаменовъ; и теперь хотѣлъ было бросить ихъ: до того усталъ физически и нравственно. Ну да, слава Богу, дѣло сдѣлано. Одного зайца поймалъ въ этомъ году; какъ бы поймать другого — диссертацию».

По возвращеніи въ Москву онъ сейчасъ же принялся за работу. Но послѣ всего перенесеннаго и испытаннаго работа на первыхъ порахъ не клеилась: «Цѣлые дни провожу за письменнымъ столомъ, сообщалъ онъ, но больше мучусь, чѣмъ пишу». Однако вскорѣ дѣло наладилось. Въ концѣ сентября или въ началѣ октября И. Н. Миклашевскій переселился въ городъ, «чтобы еще кое что почитать для своей диссертации. Двѣ главы написаны въ чистую, равно какъ введеніе. Пришлось многое передѣлать въ сравненіи съ прежнимъ. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ придется говорить о томъ, можно ли пользоваться цифрами пашни паханой писцевыхъ книгъ и сдѣлать экскурсъ въ область живущей четверти». Съ диссертацией дѣйствительно надо было торопиться, такъ какъ съ 1-го февраля старая Академія должна была прекратить свое существованіе. При такихъ условіяхъ работа уже не могла идти вполне правильно: приходилось иное обходить, иное оставлять безъ желательныхъ дополненій и обобщеній. Отсюда и становятся понятны тѣ слова, которыми заключалось введеніе къ новому труду: «Обстоятельства, совершенно независіяція отъ автора, побуждаютъ его выпустить въ свѣтъ эту книгу гораздо раньше, чѣмъ онъ предполагалъ сдѣлать. Оттого нѣкоторые вопросы являются въ ней гораздо болѣе поставленными, чѣмъ разрѣшенными. Авторъ утѣшаетъ себя мыслью, что при разработкѣ собраннаго имъ матеріала для второго тома этого сочиненія ему удастся работать при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ то было теперь, и онъ восполнить въ будущемъ тѣ пробѣлы и промахи, которые видны ему самому и на которые укажетъ ему критика». Въ самомъ началѣ 1894 года вышло въ свѣтъ это новое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка». Въ немъ впервые въ русской литературѣ исторія сельскаго хозяйства получила новую и единственно правильную постановку: изученіе этой исторіи не только съ точки зрѣнія роста техническихъ его усовершенствованій и не только съ точки зрѣнія правительственныхъ мѣропріятій къ развитію и поощренію разныхъ видовъ сельскаго хозяйства. «Исторія сельскаго хозяйства есть въ началѣ

своемъ, говоритъ авторъ, исторія заселенія края и превращеніе дикихъ полей, луговъ и лѣсовъ въ культурное состояніе. При посредствѣ какихъ силъ происходило это заселеніе и какія матеріальныя послѣдствія оно имѣло—это вопросы, на которые прежде всего должно отвѣтить историку сельскаго хозяйства». Авторъ и даетъ посильный отвѣтъ на эти вопросы для небольшой территоріи, обнимающей предѣлы нынѣшнихъ губерній Курской и Воронежской и немногихъ къ нимъ прилегающихъ мѣстностей, предпославъ своему изслѣдованію любопытный критическій очеркъ по древней метрологіи и финансовой техникѣ.

Принятое совѣтомъ Петровской сельско-хозяйственной Академіи въ качествѣ диссертации на степень магистра сельскаго хозяйства это сочиненіе не могло найти должной оцѣнки со стороны этой ученой коллегіи, такъ какъ въ ея средѣ, кромѣ А. О. Фортунатова, не было ни одного специалиста, компетентнаго въ затронутыхъ вопросахъ. Естественнo, что И. Н. Миклашевскій былъ чрезвычайно доволенъ, что въ его диспутѣ, состоявшемся 30-го января 1894 года, приняли участіе такіа крупныя силы Московскаго университета, какъ А. И. Чупровъ и П. Н. Милюковъ. Самъ диспутантъ остался очень доволенъ ходомъ диспута, хотя и призналъ полную справедливость нѣкоторыхъ изъ предъявленныхъ ему возраженій. Подробное изложеніе всѣхъ преній онъ заключилъ такимъ замѣчаніемъ: «Около пяти часовъ меня мучили, пока объявили, что я устаиваюсь степени, которая, быть можетъ, для меня никуда годна не будетъ, ибо я въ настоящую минуту уже заштатный»... Это предположеніе дѣйствительно оказалось гораздо болѣе вѣрнымъ, чѣмъ ранѣе высказанное опасеніе, что книга его не найдетъ признанія со стороны историковъ. Лучшимъ опроверженіемъ послѣдняго служить тотъ фактъ, что Академія Наукъ въ 1895 году, по отзыву проф. Д. И. Багалѣя, увѣнчала сочиненіе И. Н. Миклашевскаго малою Уваровскою преміею.

Но какъ разъ съ момента полученія ученой степени начался для И. Н. рядъ серьезныхъ житейскихъ невзгодъ, которыя всякаго менѣе твердаго духомъ и не столь преданнаго интересамъ науки выбили бы несомнѣнно изъ колеи. Еще осенью 1893 года министръ государственныхъ имуществъ, при посѣщеніи Академіи, сказалъ И. Н. Миклашевскому, что знаетъ его работы, въ частности его трудъ о водяномъ правѣ въ Россіи и заграничій («я согрѣшилъ какъ то замѣткой по этому поводу, сообщаетъ онъ, въ видѣ доклада въ собраніяхъ генерала Анненкова»), и имѣетъ въ виду привлечь его къ дальнѣйшей разработкѣ этихъ вопросовъ. Эти слова подали поводъ къ нѣскольکو преждевременнымъ надеждамъ «удрать на годикъ—другой заграницу», но которымъ, къ

сожалѣнію, не суждено было осуществиться. Въ февралѣ 1894 года дѣйствительно послѣдовало приглашеніе отъ министерства государственныхъ имуществъ прибыть въ Петербургъ для переговоровъ. По этому поводу И. Н. Миклашевскій иронически замѣтилъ, что онъ вызванъ «по водяной части; это послѣ писцевыхъ книгъ, прости Господи». Ему поручено было разработать данныя для составленія законопроекта о пользованіи водами. Какъ видно, безъ особой радости брался онъ за эту большую и отвѣтственную работу. Его побуждала къ тому лишь увѣренность или надежда, что сохраненіе связей и отношеній съ министерствомъ скорѣе обезпечитъ ему доступъ въ число преподавателей при открытіи реформируемаго института на мѣсто прежней Академіи. Всю весну и лѣто просидѣлъ онъ за этой работой и составилъ обширную докладную записку, послѣ представленія которой послѣдовало открытіе въ Симферополѣ особаго совѣщанія по выработкѣ законопроекта о пользованіи проточными водами Крымскаго полуострова, и на это совѣщаніе онъ былъ командированъ съ 16-го сентября въ качествѣ представителя отъ министерства. Длѣющаяся неопредѣленность положенія не могла однако не внушать серьезныхъ опасеній. Поэтому И. Н. Миклашевскій еще весной началъ хлопотать о зачисленіи въ составъ приватъ-доцентовъ Московскаго университета, что и увѣнчалось успѣхомъ: въ іюлѣ послѣдовало утвержденіе его приватъ-доцентомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Но командировка въ Крымъ не позволяла начать новую преподавательскую дѣятельность съ наступающаго академическаго года и могла лишь затянуть длѣющуюся неопредѣленность положенія. Находясь въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, И. Н. Миклашевскій передъ командировкой рѣшилъ подать прошеніе о назначеніи его профессоромъ селѣско-хозяйственнаго законовѣдѣнія или политической экономіи въ будущій институтъ и заявилъ при этомъ, что и командировку онъ можетъ принять только въ томъ случаѣ, если дальнѣйшая преподавательская дѣятельность ему будетъ обезпечена. Ему дано было обѣщаніе, что онъ будетъ «устроенъ». Успокоенный насчетъ дальнѣйшей своей судьбы, онъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ пробылъ до половины декабря. По возвращеніи оттуда въ Петербургъ, онъ къ своему удивленію и великому огорченію узналъ, что на соотвѣтственныя кафедры въ институтъ выступили серьезными кандидатами иныя лица. Всѣ старанія напомнить о себѣ, о своихъ правахъ, наконецъ, о данномъ обѣщаніи не помогли дѣлу. Чужія лица были предпочтены своему кандидату и именно потому, что онъ былъ «свой», такъ какъ де изъ прежнихъ преподавателей Академіи никто не будетъ назначенъ въ новый институтъ. При бѣдности у насъ препода-

вательскихъ силъ — мѣропріятіе по меньшей мѣрѣ странное и при томъ несправедливое особенно потому, что въ пользу отдѣльныхъ лицъ изъ этого правила допущены были отступленія. И. Н. Миклашевскій оказался совсѣмъ не у дѣль. Можно представить, какъ это на него подѣйствовало. Онъ остался только приватъ-доцентомъ Московскаго университета и преподавателемъ Межевого института. Но ничтожное содержаніе, получаемое по послѣдней должности, не могло обезпечить сколько нибудь сносное существованіе въ Москвѣ, такъ какъ выдача заштатнаго содержанія по истеченіи года прекратилась; а И. Н. Миклашевскій былъ уже въ ту пору женатымъ человѣкомъ. Вотъ какъ описываетъ онъ свое положеніе въ мартѣ 1895 года: «На дняхъ я получилъ самое достойное извѣстіе, что моя кандидатура въ сельско-хозяйственномъ институтѣ окончательно прогорѣла. По правдѣ сказать, я очень доволенъ, что окончился періодъ ожиданій и неопредѣленнаго положенія. Приходится взглянуть на положеніе вещей въ томъ видѣ, какъ онѣ суть, и не предаваться несбыточнымъ мечтаніямъ относительно возможности устроиться сколько нибудь человѣческимъ образомъ въ Москвѣ. У меня здѣсь нѣтъ никакого будущаго и, главное, средствъ къ существованію. Тѣ 60 руб., которые я получаю въ Межевомъ институтѣ, также непрочны, и съ преобразованиемъ послѣдняго, каковое можетъ послѣдовать чуть ли не каждый день, я легко могу лишиться и этого скромнаго заработка. Нужно, слѣдовательно, попытаться искать чего либо «инде»...» Но и устроиться внѣ Москвы оказалось вовсе не легко. Такъ его попытка получить назначеніе въ Юрьевскій университетъ встрѣтила противодѣйствіе со стороны университетскаго начальства «вслѣдствіе дефекта въ степени», хотя въ томъ же университетѣ нѣсколько преподавателей и даже профессоровъ никакихъ «дефектовъ» въ степеняхъ не имѣли только потому, что не имѣли никакихъ степеней.

Прошло болѣе года, тяжкаго года нужды, болѣзней, ежедневной заботы о кускѣ хлѣба, прежде чѣмъ въ эту безотрадную жизнь заглянулъ лучъ солнца. Вотъ что писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни: «О себѣ не могу сообщить ровно ничего хорошаго. Нѣтъ денегъ, а, главное, нѣтъ здоровья и покоя. Въ послѣднее время у меня появились скверныя опухоли, повидимому туберкулезнаго происхожденія. Врачи совѣтуютъ ѣхать въ теплые края, но отъ такихъ совѣтовъ я только прихожу въ уныніе. Хвораетъ и жена, и потому «въ дому моемъ скорбь и печаль». Впервые въ декабрѣ 1895 года судьба нѣсколько смягчилась: И. Н. Миклашевскій былъ назначенъ преподавателемъ политической экономіи и статистики въ Московское техническое училище. Но не долго занималъ онъ эту должность, такъ какъ 1-го мая 1896 года послѣдо-

вало назначеніе его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора въ Демидовскій юридическій лицей на кафедре политической экономіи. Съ этого момента наступилъ конецъ мытарствамъ: человекъ перетерпѣлъ невзгоды, не поддавшись искушеніямъ выгодно устроиться въ другой профессіи, не измѣнилъ своей наукѣ. Можно представить настроеніе человека, снова обрѣтшаго почву подъ ногами. Но не дешево обошлась эта стойкость: и здоровье еще больше было распатано, и не мало силъ ушло совсѣмъ бесплодно.

Въ Ярославль И. Н. Миклашевскій собственно не успѣлъ даже и переѣхать, такъ какъ черезъ полтора мѣсяца послѣ назначенія туда онъ былъ перемѣщенъ, послѣ смерти проф. Сокальскаго, въ Харьковскій университетъ тѣмъ же званіемъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Одно изъ близкихъ къ нему лицъ объ этомъ моментѣ его біографіи сообщаетъ слѣдующее: «Назначеніе въ университетъ и на кафедру было однимъ изъ лучшихъ дней его жизни. Я помню, какъ онъ, уже не молодой человекъ, писалъ объ этомъ матери, и слезы текли у него изъ глазъ». Въ Харьковѣ онъ выступилъ сначала только преподавателемъ статистики (преподаваніе политической экономіи перешло къ нему лишь послѣ смерти проф. Цѣхановецкаго) и первое время конечно долженъ былъ посвятить всѣ свои силы выработкѣ курса статистики, надъ которымъ онъ много работалъ и имѣлъ намѣреніе издать его въ свѣтъ. Но всѣ помыслы его со времени назначенія въ Харьковъ были направлены главнымъ образомъ на продолженіе историческихъ изысканій въ области народнаго хозяйства въ Московскомъ государствѣ. Тѣмъ спокойнѣе онъ могъ приняться за осуществленіе этихъ стремленій, что «дефектъ въ степени», изъ за котораго онъ потерпѣлъ фіаско въ Юрьевскомъ университетѣ, оказался пустымъ предлогомъ. Еще въ бытность И. Н. Миклашевскаго приватъ-доцентомъ отъ начальства Московскаго университета имъ получено было разъясненіе, «что разъ факультетъ призналъ его своимъ приватъ-доцентомъ, и онъ утвержденъ въ этомъ званіи, то это можно толковать въ томъ смыслѣ, что факультетъ призналъ его степень равносильною съ университетской, а потому де онъ можетъ представить докторскую диссертацию на общемъ основаніи». Назначеніе въ Харьковскій университетъ вполне подтвердило правильность такого толкованія. Значить результаты труда въ желанной области можно было представить на судъ ученой критики въ качествѣ диссертации на степень доктора политической экономіи.

Вскорѣ началось «архивное сидѣнье». И. Н. Миклашевскій не пропускалъ ни одного подходящаго случая, чтобы хотя на короткое

время вырваться въ Москву и поработать тамъ въ архивахъ. Сначала это возможно было только урывками, исключительно въ каникулярное время. Но при такихъ условіяхъ двинуть работу съ желательною скоростью было невозможно. Поэтому И. Н. Миклашевскій былъ несказанно радъ, когда ему удалось выхлопотать съ 1-го іюня 1899 года годичную командировку во внутрь Имперіи и за границу. Но за границу онъ не поѣхалъ и все время просидѣлъ въ Москвѣ за собираніемъ матеріала. Туда онъ ѣздилъ еще во время зимнихъ каникулъ 1900—1901 года и получилъ командировку съ 20-го мая по 1-е сентября 1901 года. Вѣроятно, приведеніе собраннаго матеріала въ порядокъ и обработка отдѣльныхъ его частей потребовали бы еще дальнѣйшихъ поѣздокъ въ московскіе архивы, если бы случайная смерть не прервала этой работы въ самомъ ея началѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти И. Н. Миклашевскій писалъ: «не тогда скверно, когда самъ умираешь, а тогда, когда присуствуешь при смерти другихъ и при томъ хорошо сознаешь, что вѣдь все могло бы быть иначе, не такъ жестоко и нелѣпно». Это были пророческія слова. Дѣйствительно, судьба оказалась несправедливой въ отношеніи И. Н. Миклашевскаго и на этотъ разъ. Онъ имѣлъ основанія быть недовольнымъ своею первою историческою работою, такъ какъ ее пришлось выпустить въ свѣтъ раньше, чѣмъ хотѣлось автору. Вторую работу, которую онъ подготовлялъ съ такими любовью, трудолюбіемъ и тщательною осмотрительностью, смерть помѣшала не только окончить, но даже по-видимому намѣтить внѣшнія вѣхи плана работы. Осталась кipa осиротѣлыхъ бумагъ, все почти выдержки, выписки и списки изъ архивныхъ матеріаловъ, ключъ къ которымъ покойный унесъ съ собой въ могилу.

Мнѣ пришлось видѣть бумаги покойнаго и пока лишь внѣшнимъ образомъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Это весьма любопытный архивъ для провинціальнаго ученаго. Разнообразіе содержащагося въ этихъ бумагахъ матеріала указываетъ, въ какія стороны направлялся интересъ изслѣдователя, а немногія, къ сожалѣнію, данныя личной переписки даютъ возможность установить хотя нѣкоторые вопросы, остававшіеся на себѣ его преимущественное вниманіе.

Живя и работая въ Москвѣ въ 1899—1900 году, И. Н. Миклашевскій заинтересовался между прочимъ вопросомъ о власти Московскихъ государей въ XVII вѣкѣ. На вопросъ, зачѣмъ это ему понадобилось, онъ отвѣчаетъ, что раньше еще изучалъ Крижанича и Посошкова, въ особенности перваго, но теперь узналъ, что «Безсоновъ хотя два раза издавалъ труды Крижанича, въ частности его «разговоры объ вла-

дательству», но ни разу не издалъ ихъ до конца. Тутъ въ Москвѣ еще не менѣе того, что издано Безсоновымъ, и заключаетъ въ себѣ не менѣе интересныя вещи, чѣмъ въ изданныхъ частяхъ. Это все мною изучено и въ большей мѣрѣ списано... Крижаничъ, европеецъ и образованный человѣкъ, является у насъ первымъ выразителемъ новыхъ идей полицейскаго государства. Подъ вліяніемъ этихъ идей складываются и его экономическія возрѣнія (еще въ Италіи), а въ Россіи онъ, превосходно ознакомившись съ бытомъ и условіями русской жизни, является съ цѣлымъ рядомъ проектовъ реформъ, осуществленіе которыхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ послѣдовало уже при Петрѣ, но нѣкоторыя были предприняты еще и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Такова, на примѣръ, реформа денежнаго обращенія. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что *золотое обращеніе* было введено послѣ мѣднаго въ 1663—1664 годахъ, при чемъ единицей такого обращенія была *золотая денга*. Я бы былъ очень счастливъ, если бы мнѣ удалось найти документы, касающіеся золотого краха того времени, ибо такой крахъ несомнѣнно произошелъ, такъ какъ золото въ обращеніи не удержалось». Неизвѣстно, удалось ли И. Н. Миклашевскому напасть на слѣдъ такихъ документовъ; но изъ приведенной выдержки ясно, что вопросъ о власти государей интересовалъ его въ связи съ финансовыми реформами второй половины XVII вѣка. Но какъ онъ представлялъ себѣ эту связь, этого нельзя рѣшить по обширнымъ выпискамъ изъ неизданныхъ сочиненій Крижанича.

Въ другой разъ онъ сообщаетъ, что у него «въ портфель лежатъ большія выписки изъ писцовыхъ книгъ по уѣздамъ Московскому, Можайскому, Серпуховскому, Верейскому, Клинскому, Волоколамскому, Переяславскому съ одной стороны, Арзамасскому, Нижегородскому, Балахонскому съ другой, Архангельскому, Вологодскому, Костромскому и Великоустюжскому съ третьей, а черезъ нѣкоторое время такія же выписки сдѣланы будутъ по Новгородско-Псковской области». Дѣйствительно, этотъ матеріалъ составляетъ самую большую и едва ли не самую важную часть бумагъ покойнаго. Повидимому были изучены всѣ писцовыя книги 20-хъ и 30-хъ годовъ XVII столѣтія, какія только оказались на лицо въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Выписки изъ нихъ сведены въ таблицы итоговъ по разнообразнымъ группамъ о количествѣ вотчинъ и помѣстій, людскихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, пашни паханой разныхъ качествъ, перелога, лѣсовъ и пр., при чемъ итоги подведены не только по уѣздамъ, но и по станамъ, гдѣ это было возможно. Къ таблицамъ же присоединены значительныя подлинныя выдержки изъ

текста книгъ. Такой цѣнный матеріалъ могъ быть использованъ для разныхъ цѣлей и въ весьма различныхъ направленіяхъ. Прежде всего онъ могъ быть положенъ въ основу изученія хозяйственно-экономическаго быта, что всего ближе могло интересовать И. Н. Миклашевскаго. Въ дополненіе къ этому онъ имѣлъ въ виду воспользоваться общими итогами поземельной собственности по писцовымъ книгамъ на основаніи свода, составленнаго извѣстною комиссіею князя Голицына въ XVIII вѣкѣ. Эти итоги онъ имѣлъ въ виду издать въ свѣтъ и «уже уговорился съ NN относительно напечатанія ихъ», хотя этотъ планъ не приведенъ въ исполненіе: списки общихъ итоговъ оказались на лицѣ въ бумагахъ.

Но писцовыя книги не содержатъ отвѣтовъ на всѣ вопросы хозяйственнаго быта страны. Въ частности для выясненія положенія населенія необходимо было привлечь и другія данныя. А этого вопроса неизбѣжно приходилось касаться и И. Н. Миклашевскому. Онъ между прочимъ писалъ, что «мало по малу подходитъ въ своей работѣ и къ крестьянскому вопросу», или, какъ выразился въ другой разъ: «Оказалось, что въ моей работѣ нельзя будетъ не говорить о рабочемъ вопросѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова». Для подбора матеріала въ этомъ направленіи онъ прежде всего обратился къ изученію книгъ вотчинной конторы по г. Пскову, изъ которыхъ успѣлъ сдѣлать обширныя выписки. Быть можетъ, на основаніи этихъ данныхъ онъ между прочимъ составилъ какое-то особое мнѣніе о бобыляхъ, содержанія котораго онъ не сообщалъ, а только шутливо предупреждалъ, что я долженъ буду поругаться съ нимъ за тѣ мысли, какія онъ, дастъ Богъ, выскажетъ относительно бобылей. Несомнѣнно, что главнымъ образомъ изъ этихъ книгъ по г. Пскову у него «подобрался довольно интересный матеріалъ о рабочихъ людяхъ XVII вѣка». Объ этомъ матеріалѣ онъ сообщалъ между прочимъ слѣдующее: «Я просмотрѣлъ весьма значительное количество всякихъ памятниковъ, относящихся къ зависимому населенію Московской Руси XVII вѣка. Говорю «зависимому», а не «тяглому» только, населенію потому, что хочу предложить NN напечатать цѣлый рядъ договоровъ о личномъ наймѣ и объ отдачѣ «въ дитяти мѣсто», представляющихъ изъ себя тотъ же договоръ личнаго найма, только въ болѣе скрытой формѣ. Къ этой же категоріи я отношу нѣкоторое число списанныхъ мною памятниковъ объ отдачѣ въ обученіе какъ родителями дѣтей, такъ и взрослыми лицами самихъ себя». Но и этотъ планъ онъ повидимому не успѣлъ осуществить.

Кромѣ этихъ двухъ наиболѣе обширныхъ и цѣльныхъ отдѣловъ въ бумагахъ покойнаго находится нѣсколько цѣльныхъ копій и значитель-

ное число любопытныхъ болѣе или менѣе обширныхъ выписокъ, источникъ которыхъ при бѣгломъ обзорѣ не всегда удастся установить. Таковы выписки изъ записныхъ книгъ повидимому Помѣстнаго приказа, изъ книгъ по Рязани о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, изъ волостныхъ расходныхъ книгъ, изъ умоленныхъ книгъ выдѣльнаго хлѣба, изъ дѣлъ и столбцовъ Бѣлгородскаго стола и Сибирскаго приказа, списки помѣстныхъ указовъ новыхъ статей и т. п. Безспорно, что И. Н. Миклашевскій, какъ и всякій занимающійся въ архивахъ урывками, нѣсколько увлекался, не желая упустить изъ рукъ тотъ или иной любопытный документъ. Такъ онъ приготовилъ для изданія по рукописи, хранящейся въ Московскомъ дворцовомъ архивѣ, опись городовъ 1699 года, которая въ настоящее время передана Харьковскому историко-филологическому обществу для напечатанія въ его изданіяхъ. Еще при жизни онъ передалъ въ Академію Наукъ «Доимочную книгу по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ по городу Москвѣ», которая въ настоящее время уже и издана.

Безспорно, что много любопытныхъ и цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ осталось въ бумагахъ И. Н. Миклашевскаго. Но пройдя черезъ всякія другія руки, этотъ матеріалъ не можетъ получить той обработки, какую готовилъ для него собиратель; живая связь этого матеріала навсегда погибла. Въ обработанномъ же видѣ сохранилась въ бумагахъ только одна небольшая замѣтка, да и та не въ полномъ видѣ: это небольшой докладъ о древне-русскомъ кадастрѣ. Надо надѣяться, что и въ этомъ незаконченномъ видѣ онъ будетъ изданъ въ трудахъ какого-либо ученаго учрежденія или общества.

Какъ человѣкъ весьма живой и весьма дѣятельный, И. Н. Миклашевскій съ большой чуткостью откликался на всѣ текущіе вопросы жизни и съ готовностью посвящалъ свои силы ихъ разъясненію, если только признавалъ, что можетъ быть полезенъ въ данномъ дѣлѣ. Такъ въ качествѣ статистика онъ принялъ близкое участіе въ организаціи на мѣстѣ, т. е., въ Харьковѣ, дѣла о первой всеобщей переписи населенія въ 1897 году. А въ рѣдкіе моменты, когда совѣтамъ университетовъ приходилось обсуждать частные или общіе вопросы, касающіеся тѣхъ или иныхъ сторонъ университетскаго строя, И. Н. Миклашевскій всегда былъ дѣятельнымъ участникомъ комиссій, которымъ поручалось выработать проекты мотивированныхъ докладовъ. Онъ, напримѣръ, былъ единоличнымъ составителемъ доклада о необходимости упраздненія профессорскихъ гонораровъ, въ которомъ привелъ чрезвычайно яркія цифровыя данныя неравнобѣрности и несправедливости этого вида вознагражденія профессоровъ у насъ въ Россіи. Наконецъ, въ прошломъ году онъ былъ чле-

номъ и однимъ изъ секретарей комиссіи, избранной совѣтомъ Харьковскаго университета для выработки отвѣтовъ на вопросы о желательныхъ видоизмѣненіяхъ въ строѣ нашихъ университетовъ.

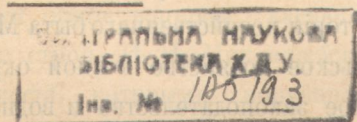
Работалъ онъ всю жизнь, не покладая рукъ, и трудъ его былъ главною жизненною утѣхой. А жизнь не баловала его и осталась передъ нимъ въ долгу. Такъ по крайней мѣрѣ sit tibi terra levis...

Вотъ перечень главныхъ изданныхъ трудовъ И. Н. Миклашевскаго:

- 1) «Геологія Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи». 1883.
- 2) Принималъ участіе въ составленіи книги: «1883 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи».
- 3) «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи». Изв. Петровск. Академіи, 1887, в. 2.
- 4) «Сельское хозяйство Японіи». Сотрудникъ, 1887, № 7.
- 5) «Опытъ пользованія торфомъ въ сельскомъ хозяйствѣ». Сотрудникъ, 1887, № 9.
- 6) «Краткій историческій очеркъ Академіи». Сборникъ свѣдѣній о Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи. 1887.
- 7) «Что такое сельскохозяйственное законовѣдѣніе?» Изв. Петров. Академіи. 1888, в. 2.
- 8) «Законъ 4-го апрѣля 1888 года о сбереженіи лѣсовъ». Вѣстн. русск. сельск. хозяйства, 1889.
- 9) «Народное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ». Юрид. Вѣстн., 1891, № 5.
- 10) «Du prix de revient des principales céréales en Russie et en Allemagne». Journal des économistes, numéro d'avril 1891.
- 11) «Задачи экономіи и полиціи сельскаго хозяйства». Изд. Московск. Политехн. Музея, 1892.
- 12) «Die Entwicklung des landwirthschaftlichen Bildungswesens in Russland» Wien 1892. «Очерки изъ исторіи сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи». Техн. Образ. 1893.
- 13) «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка». 1894.
- 14) «Водное законодательство и водное право въ Россіи». Русская Мысль, 1895, №№ 8 и 9.
- 15) «Новый проектъ пользованія оросительными водами въ Крыму». Журн. Мин. Юст., 1896, № 3.
- 16) «Les syndicats industriels d'après l'ouvrage russe de m. J. Yanchoul». Revue d'Economie politique, 1896.

- 17) «О численномъ методѣ изученія общественныхъ явленій». Образование, 1897, № 1.
- 18) Отзывъ о книгѣ. «Л. В. Ходскій. Основанія теоріи и техники статистики». Образование, 1897, № 2.
- 19) «Земледѣліе и горнозаводская промышленность въ Россіи». Русская Мысль, 1897, № 2.
- 20) «Къ вопросу о профессорскомъ гонорарѣ». Образование, 1897, № 12.
- 21) Отзывъ о книгѣ: «Бертильонъ. Курсъ административной статистики. Образование, 1898, № 1.
- 22) «Можно ли возлагать на народныхъ учителей какія-либо обязанности по техническому и профессиональному образованію?» Вѣстникъ воспитанія, 1898, № 2.
- 23) Отзывъ о книгѣ: «В. Петровъ. Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи» (для комиссіи по присужденію премии Самарина). Образование, 1899, №№ 5—6.
- 24) «Russian school of political economy». Dictionary of political economy Jnglis Palgrave, v. 3, 1899.
- 25) Въ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. подъ ред. Арсеньева и Петрушевскаго, помѣщены статьи: *межеваніе, меліорации сельскохозяйственныя, оброчная подать, оброчныя статьи, передѣлы крестьянскихъ земель, переписи, поземельная община, поземельные налоги, разверстаніе угодій, собственность поземельная, статистика.*
- 26) «Доимочная книга 7202—7203 г.г. по сбору мостовыхъ и рѣшеточныхъ денегъ съ Кремля, Китая, Бѣлаго и Земляного городовъ». Зап. Акад. Наукъ, VIII серія, т. V, № 4, 1902 (посмертное изданіе).¹⁾ (Изъ Ж. М. Н. П., 1902, V).

М. Дьяконовъ.

¹⁾ Кромѣ перечисленныхъ уважемъ еще: 27) Отзывъ о книгѣ Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (для комиссіи по присужденію премии Самарина; этотъ отзывъ, какъ и о книгѣ Петрова награжденъ золотой медалью). Иванъ Николаевичъ принималъ участіе своими статьями въ «Русскомъ Курьерѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и во многихъ журналахъ (Е. Р.).

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
ART AND
ARCHAEOLOGY
OF THE
UNIVERSITY OF
CAMBRIDGE

III

Цѣна 50 коп.